

200
ЛЕТ
ВМЕСТЕ

ВАДИМ
КОЖИНОВ
КРАСНАЯ СОТНЯ

Вадим Валерианович Кожин

Красная сотня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16898970
Кожин В.В. Красная сотня: Алгоритм; Москва; 2009
ISBN 978-5-9265-0676-8

Аннотация

Всем известно словосочетание «черная сотня», имеющее бранный оттенок. А ведь черные земские сотни не раз защищали наше Отечество в тяжкие времена. В 1612 году, например, собравшись вокруг Минина, именно черные сотни спасли Москву и всю Россию от поляков и изменников. Выдающийся русский мыслитель Вадим Кожин рассматривал проблему «черной сотни» как раз с патриотических позиций. Он доказывал, что в советские времена существовала так называемая «красная сотня», которая во многом была похожа на сотню «черную» в плане защиты национальных интересов России. В книге, представленной вашему вниманию, собраны работы Вадима Кожина о «красносотенном» движении в нашей стране.

Содержание

Вместо предисловия	5
Русская сверхнация	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вадим Кожин

Красная сотня

© Ермилова Е.В., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2009

Вместо предисловия

Тема России волнует меня уже лет тридцать. Подлинным обращением к русским корням я обязан Михаилу Михайловичу Бахтину, которого считаю своим учителем. Бахтину во время революции было всего 22 года, а в 1928 году его арестовали, и казалось, его навсегда вычеркнули из жизни. Много позже говорили, что он, будучи репрессирован, давно умер. Но тем не менее мне удалось установить, что он жив и живет в Саранске (жить в столицах ему категорически запрещалось). И я поехал туда к нему.

Что меня потрясло? Я думал, что еду к человеку, который сломлен, которого мне надо будет утешать, выражать сострадание... Ничего подобного. Я нашел Бахтина в сознании собственной силы и уверенности. И вскоре один из моих друзей, пораженный его мужеством, спрашивал, как жить, чтобы быть таким же.

И действительно, одно дело – читать книгу, другое – общаться с человеком, который, и это признано сейчас во всем мире, является одним из крупнейших мыслителей XX века. Бахтин принадлежал к младшей ветви той плеяды русских мыслителей, имена которых сейчас воскрешают. Булгаков, Бердяев, Розанов, Флоренский. От них принял эстафету Бахтин. После встречи с ним и для меня жизнь, общество, ис-

тория как бы осветились иным, новым светом. Бахтин стал для меня живым мостом, связью между прошлым и настоящим. Именно общение с ним заставило серьезно задуматься о коренных проблемах русской жизни, своеобразии русского национального сознания.

Ну и, наконец, видимо, пришел час, когда возникла потребность и необходимость поделиться своими размышлениями на эту тему. В своих последних работах я пытаюсь, анализируя русский характер, нравственные идеалы нашего народа, понять не только прошлое и настоящее, а также и увидеть, в чем состоит будущее России.

Русская сверхнация

Имеется широкий спектр представлений о том, что такое Россия и какая ей предначертана судьба на дорогах человеческой истории. Многообразие мнений характерно для любого направления человеческой мысли.

Мне представляется, что становление «русской идеи» в ее стержневом значении связано прежде всего с именами Чаадаева, Тютчева, Достоевского. Именно их стремления необходимо рассматривать как центральные, определяющие в этом вопросе. Если попытаться суммировать их размышления о нашем национальном своеобразии, то они сведутся к следующему. Русского человека (как носителя особого типа социально-духовной культуры) отличает особая открытость по отношению к другим культурам, беспощадность самокритики, стремление к «всечеловеческому единению». Это, конечно, не единственные его черты. Но с точки зрения общечеловеческой они являются важнейшими.

В этой связи и западничество, и славянофильство, как мне кажется, – это ограниченные и, так сказать, чрезмерно свя-

занные с восприятием Запада тенденции. Михаил Пришвин писал в 1950 году, что «и западники, и славянофилы в истории одинаково все танцевали от печки – Европы». Относительно западничества это очевидно. Что же касается той тенденции, которую называют славянофильством, то уже Чаадаев говорил о ней: «Страстная реакция... против идей Запада... плодом которых является сама эта реакция».

Необходимо, правда, со всей решительностью оговорить, что духовное наследие всех подлинных значительных писателей и мыслителей, так или иначе принадлежащих к западничеству или славянофильству, всегда было заведомо шире и глубже самих этих тенденций. Я же говорю именно о тенденциях.

Западничество основано, в конечном счете, на убеждении, что русская культура – это, в сущности, одна из западноевропейских культур, только очень сильно отставшая от своих сестер: вся ее задача сводится к тому, чтобы в ускоренном развитии догнать и, в идеале, перегнать этих сестер.

С точки зрения славянофильства русская культура – это особая, славянская культура, принципиально отличающаяся от западной, то есть романских и германских культур, и ее цель состоит в развертывании своих самобытных основ, родственных культурам других славянских племен. Но это представление об особом славянском существе русской культуры построено, конечно же, по аналогии или даже по модели романских и германских культур, которые уже достигли рас-

цвета; задача русской культуры опять-таки сводится к тому, чтобы догнать их на своем особом, славянском пути, стремясь к равноценному или, в идеале, еще более высокому расцвету.

Национальные культуры Западной Европы в своем совместном неразрывно взаимосвязанном творческом подвиге уже к XIX веку осуществили совершенно очевидную и грандиозную всемирную миссию. И западничество если и предполагало всемирное значение русской культуры, то только в ее присоединении к этому (уже совершенному) подвигу; со своей стороны, славянофильство (как тенденция) видело цель в создании – рядом, наряду с романским и германским – еще одного (пусть даже глубоко самобытного) культурного мира – славянского, с русской культурой во главе.

Словом, и в том и в другом случае смысл и цель русской культуры воссоздаются по западноевропейской модели, по предложенной Западом программе.

С точки зрения западничества и славянофильства оказываются, в сущности, как бы ненужными, бессмысленными целые столетия истории русской культуры: для западничества – время с конца XV до конца XVII века; для славянофильства – последующее время.

Между тем, по мысли Чаадаева и Достоевского, русская культура имеет совершенно самостоятельные смысл и цель, а всестороннее и глубокое освоение как западной, так и восточной культуры представляется как путь – разумеется, аб-

солютно необходимый путь – осуществления этой цели и этого смысла (все-человечности).

«Всемирная отзывчивость» – так можно назвать ключевую, пожалуй, черту нашего национального характера, так как с ней связано и из нее вытекает все остальное. Белинский писал в 1846 году: «...русскому равно доступны и социальность француза, и практическая деятельность англичанина, и туманная философия немца».

И действительно, трудно назвать страну, в которой бы с такой жадностью, безоглядностью впитывали чужой опыт. Скажем, на рубеже XVIII–XIX вв. был величайший взлет немецкой культуры, философии, литературы: Кант, Гегель, Гете, Шиллер, Бетховен, Гайдн... И нигде в Европе, кроме как в России, это не было воспринято с таким восторженным увлечением. Брошюра, в которой упоминалось имя Гегеля, говорил Герцен, зачитывалась до дыр. Вообще, если в Западной Европе появлялось какое-либо выдающееся художественное произведение или научный труд, то, как правило, первые их переводы делались на русском языке. Возьмите «Капитал» Маркса или, например, романы Золя. Случалось, что вещи Золя раньше печатались у нас в русских газетах, чем во Франции. В год из-за границы уже в 1860-х годах ввозилось два-три миллиона книг. Значит, люди не только хотели знакомиться с иностранными новинками, но и могли это сделать, так как владели европейскими языками.

Были, конечно, и периоды сознательной изоляции: эпоха

от царствования Ивана Грозного до правления царицы Софьи, время царствования Николая I и, наконец, сталинский период. Но что интересно, например, даже в так называемые застойные годы мы занимали первое место в мире по переводам художественной литературы.

* * *

Подчеркну, что мысль о «всемирной отзывчивости» русской культуры не заключала в себе никакой национальной амбициозности. С самого начала «всемирная отзывчивость» предстала в отечественном сознании и как глубоко положительная, в пределе идеальная, и одновременно как недвусмысленно «отрицательная» черта нашего национального характера. Именно другой стороной «всемирной отзывчивости» оказывается наша переходящая из века в век оглядка на Европу, а порою и низкопоклонство перед ней. «Чуть мы выучим человека из народа грамоте, – писал Достоевский, – тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем обольщать его Европой, ну хотя бы утонченностью быта, приличий, костюма, напитков, танцев, – словом, заставим его устыдиться своего прежнего лаптя и квасу, устыдиться своих древних песен...» Так из «всемирной отзывчивости» естественным образом вытекает та стихия самоотречения, в которой справедливо можно видеть и другую нашу важнейшую национальную черту.

Один из наиболее значительных современных литерату-

роведов, Н. Н. Скатов, говорит о том, что истинная суть отечественного искусства состоит не в критике как таковой, но в самокритике. Именно в этом, считает он, непреходящий, всецело живой и сегодня смысл русской классики. Не обличение помещика, чиновника, вельможи, а пробуждение в человеке гражданско-нравственной ответственности, внутреннее самообнажение, беспощадность самосуда. И это совершенно верно.

Одним из первых «в беспощадном самосуде» увидел существенную черту отечественного бытия и сознания Чаадаев, для которого стихия самоотречения наиболее ярко воплотилась в личности и судьбе Петра Великого. Размышляя о петровском «отречении» от прошлого, Чаадаев писал в 1843 году: «Эта склонность к отречению... есть факт необходимый или, как принято теперь у нас говорить, органический...»

И не кто иной, как сам Чаадаев дал в своем первом «Философическом письме» ярчайший образец такого «беспощадного самосуда». При этом, кстати сказать, Чаадаев признавал, что было преувеличение в этом обвинительном акте, предъявленном им великому народу, – признавал, но отнюдь не раскаивался в совершенном и тут же указывал на тот факт, что почти одновременно с обнародованием его «Философического письма» был вслед за Александрийским поставлен на сцене Малого театра гоголевский «Ревизор»: «Вспомним, что вскоре после злополучной статьи (на самом

деле спектакль был поставлен ранее появления чаадаевской статьи. – В. К.) на нашей сцене была разыграна новая пьеса. И вот никогда ни один народ не был так бичуем, никогда ни одну страну не волочили так в грязи, никогда не бросали в лицо публики столько грубой брани, и, однако, никогда не достигалось более полного успеха».

Важно подчеркнуть при этом, что широко распространенная точка зрения, согласно которой пафос самоосуждения складывается в русской литературе лишь в 1820 – 1830-х годах, неверна. М. М. Бахтин раскрыл беспрецедентное своеобразие «Слова о полку Игореве» в ряду других эпосов: в центре «Слова» – не победный подвиг и даже не героическая гибель, но трагическое посрамление героя.

Михаил Пришвин в 1943 году писал о неотразимом чувстве «стыда» за свое чересчур русское: «Я, чистокровный елецкий потомок своего великорусского племени, при встрече с любой народностью – англичанином, французом, татаринном, немцем, мордвинном, лопарем – всегда чувствовал в чем-то их превосходство. Рассуждая, конечно, я понимал, что и в моем народе есть какое-то свое превосходство, но при встрече всегда терял это теоретическое признаваемое превосходство, пленяясь достоинствами других».

Совсем иную картину мы видим, когда начинаем всматриваться в культуру Западной Европы. В основании западной культуры лежит совершенно противоположный принцип: осознание себя свободно творящим началом, по отно-

шению к которому все остальные народы и культуры – только объекты приложения сил, не имеющие никакого самостоятельного всемирно-исторического значения.

Корни такого подхода к внешнему миру, и природному, и человеческому, лежат, несомненно, в иудо-христианской телеологии, согласно которой, как известно, бог создал все для блага человека и ни одна вещь, ни одна тварь не имеет иного предназначения, помимо служения человеку и его целям. Это значит, что, будучи раз рожден, Запад как бы был призван только развертывать из себя свои возможности. Между тем русское развитие осуществляет себя как ряд новых и новых рождений – точнее, духовных «воскресений» после самоотрицания. Именно поэтому, вероятно, одно из характерных отличий западной и русской религиозных традиций состоит в том, что в Европе, безусловно, главный, всеопределяющий христианский праздник – Рождество, а на Руси – Воскресение (Пасха).

* * *

Каковы причины столь необычного и для отдельного человека, и тем более для целого народа поведения? Они связаны с идеалами, на которых возрастала русская культура. Эти идеалы, как писал Скатов, были «запредельны, располагались за... всеми возможными видимыми горизонтами, за, так сказать, обозримой историей». Главным и определяющим среди них является стремление к «всечеловеческому

единению». Оно естественным образом связано со «всемирной отзывчивостью» и «беспощадным самосудом» русского человека.

Эта мысль с наибольшей полнотой была выражена Достоевским в «Речи о Пушкине» 1880 года: «Я... и не пытаюсь равнять русский народ с народами западными в сферах их экономической славы или научной. Я просто только говорю, что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себя идею всечеловеческого единения». И там же: «...стать... настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите...».

Достоевский заметил – «высказывалась уже эта мысль не раз, и ничуть не новое говорю». И нетрудно убедиться, что эта мысль, с 1880 года неразрывно связанная с именем Достоевского, вызревала в новой русской литературе по меньшей мере с 1820-х годов. В тех или иных выражениях она присутствует в сочинениях глубоко различных писателей и мыслителей. Речь Достоевского была как бы окончательной кристаллизацией русского литературного и национального самосознания в целом. В значительной степени потому главная мысль Достоевского и была тогда столь естественно принята.

При этом Достоевский не раз оговаривал, что пока это свойство глубоко и полно воплотилось только в литературе.

Но мне кажется, что подлинная всечеловечность могла воплотиться лишь в таком творчестве, которое берет свой источник в глубинах народного бытия и сознания и постоянно возвращается к этому истоку.

«Всечеловечность», разумеется, не только наша цель. Немало сделал в своем движении к ней и Запад. Но на этом пути ему пришлось многое преодолеть в себе, в то время как для нашей культуры эта идея с самого начала является, как я уже сказал, стержневой. Во-первых, всечеловечность, всемирность русской литературы (и культуры) имеет глубочайшее основание в том громадном по своему значению факте, что Россия складывалась как страна многонациональная. При этом русская государственность с самого начала (поражительная вещь!) исходила из равноправия входящих в нее народов. Вспомним историю о призвании варягов на Русь. В «Повести временных лет» читаем: «Реша чюдь, и словени, и кривичи и вси (сказали чюдь, и словене, и кривичи, и весь...): земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет». Если взять это предание не как факт, а как отражение общественного самосознания, каким оно было в начале XII века, то получается: для русских людей этой эпохи нет ничего ни зорного, ни обидного в том, что их государственность создавали не только восточнославянские племена, но также и финские – чюдь и весь и варяги. Причем чюдь стоит на первом месте.

Спустя столетия Пушкин в стихотворении «Памятник»

по-своему выразил мысль из «Повести временных лет»:

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык».

Как видим, Пушкин почти повторил формулировку Нестора, только у Пушкина славяне на первом месте, а финны на втором. А для Нестора было возможно славян не ставить даже на первое место. Таким образом, если в глазах летописцев все населявшие Русь народы являлись равноправными творцами русской государственности, то у Пушкина они выступают в качестве равноправных носителей российской культуры.

* * *

Зафиксированное в летописи равноправие племен и народов, несомненно, отражало реальности тогдашней жизни. За 1200-летнюю историю русского государства в состав русских влилось такое количество разных племен и рас, которое трудно себе представить. На эту тему есть серьезнейшие исследования, из которых, между прочим, следует и то, что русских среди нас с чисто славянской кровью совсем немного.

Возьмем слово «русский». Я думаю, если взглядеться в слово до самой глубины, можно многое понять. Слово значит гораздо больше, чем мы думаем, оно никогда не лжет. Об этом когда-то хорошо сказал Лев Толстой: мы можем об-

манываться, а язык не обманывает.

Так вот, все народы мы называем именем существительным – немец, поляк, англичанин, чуваш, узбек... Даже народ, состоящий из нескольких сот человек – удэгэ, саами. И только «русский» идет как прилагательное. В этом, на мой взгляд, величайший смысл. То есть, с одной стороны, русские как бы служат другим народам, представлятельствуя на огромном континенте от Балтики до Тихого океана. В то же время они являются связующим звеном, цементирующим, объединяющим началом для многих народов. Повторю: слово значит больше, чем кто-либо может в нем открыть. Поскольку слово – это всегда инобытие человеческой жизни.

Традиция самоопределять себя не по крови, а по культуре и государственной принадлежности дала на Руси поразительные примеры. Возьмем две такие грандиозные фигуры XVII века, как патриарх Никон и идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. И тот, и другой были чистокровными мордвинами, но относили себя к русским – так же, как русским считал себя грузин князь Багратион – один из славнейших героев Отечественной войны 1812 года. Крупнейшие фигуры в большевистской партии периода Октябрьской революции и Гражданской войны – Троцкий, Зиновьев и целый ряд других – были, как известно, евреями. Или другой факт: после 1480 г. и до середины XVII в. многие виднейшие русские военачальники вышли из монголов, хотя к мон-

голам, казалось бы (из-за монголо-татарского ига), должны были на Руси относиться крайне отрицательно. А когда Иван Грозный пожелал временно отойти от государственных дел, то он передал управление страной потомку Чингисхана князю Бек Булатовичу. Понятно, что такие вопросы не могли решаться с кондачка.

И еще: традиционное представление об антагонизме русских и половцев, в основе которых лежит национальный признак, не имеет в действительности исторического подтверждения. Князь Игорь, о котором идет речь в «Слове о полку Игореве», был на три четверти половец и, конечно же, говорил в детстве на половецком языке, потому что мать и бабушка его были половецкими. Известна гробница его брата «буй тур» Всеволода. Знаменитый скульптор антрополог Герасимов по черепу восстановил его портрет, в котором явно проступают «половецкие» черты. В жизни все было сложнее, чем на картине Ильи Глазунова, где с одной стороны мы видим белокурого русского князя Игоря, а с другой – его противника косоглазого половеца.

Сам тот факт, что русские так легко принимали в себя представителей других племен, уже о многом говорит. Хотя вместе с тем речь, понятно, не шла о насильственной ассимиляции и тем более о сознательном уничтожении других народов как народов, а лишь о принципиальной открытости русской нации для представителей других рас и национальностей. Более того, с определенного момента, когда нацио-

нальное сознание стало играть существенную роль, ни один народ в России, даже самый малочисленный, состоящий из нескольких сот человек, не исчез с лица земли вследствие политики царского правительства или из-за действий поселявшихся на их территориях русских людей.

Россия трижды участвовала с Австрией и Пруссией в разделе Польши в XVIII–XIX веках. Но когда Польша воссоединилась, а это произошло после 1945 года, оказалось, что на тех территориях, которые были под владычеством Пруссии и Австрии, поляков практически не осталось, а в той части Польши, которая в свое время отошла к России, их стало гораздо больше. Об этом мне рассказал много лет назад один из деятелей ПАКСа – католической организации в Польше, которая, по крайней мере в тот период, играла значительную роль.

Русских обвиняют в антисемитизме, и надо признать, что антисемитизм среди какой-то части населения (правда, в ослабленной форме) существует. Но что характерно: за весь период проживания евреев на территории России на собственно русских землях не было совершено ни одного погрома. Погромы совершались главным образом в Польше, в Молдавии, в меньшей степени на Украине. Во всяком случае, о национальных противоречиях русских с каким-либо народом, населяющим Россию, противоречиях, которые были бы сопоставимы по накалу с тем, что мы имеем в Испании (баски), Ирландии (католики и протестантские ультра), Ин-

дии, Пакистане (мусульмане и индуисты) и в некоторых других странах, говорить не приходится. Так, теракты в Ирландии совершаются в течение 100 лет без всяких перерывов.

В русском фольклоре существует огромное количество проявлений как раз дружественного, братского отношения к другим народам, без различия того, являются ли они европейскими, азиатскими или какими-либо еще. Композитор Бородин, написав для оперы «Князь Игорь» музыку половецких плясок, даровал бессмертие исчезнувшему народу. Это тоже типично русское дело.

На чем еще необходимо остановиться, это на относительной молодости русской культуры. Действительно, основные государства Запада и Востока – это страны со своей античностью, с тысячелетней историей. В этом смысле русская культура не может соперничать с ними по своей фундаментальности, и от этого никуда не уйти. Конечно, и применительно к русской культуре можно говорить об определенной преемственности. В пределах, в которых находился СССР, существовали державы скифов, гуннов, аваров, хазар, наконец, монголов. Но, во-первых, эти государства не стояли на такой высоте исторического опыта, как Китай, Индия, Греция, Рим, и, во-вторых, они не имели письменности.

Россия – страна молодая и в определенном смысле беспочвенная. С этим связано наше подчас чрезмерное стремление к почвенничеству, которое воспринимается со стороны или как проявление крайнего национализма, или как от-

ражение живущего в нас комплекса национальной неполноценности. С другой стороны, относительная молодость нашей культуры выработала у русского человека и способность и потребность постоянно смотреть на себя не только «изнутри», но и вместе с тем еще и как бы со стороны, глазами «внешнего» мира, чувствовать и мыслить себя перед лицом этого мира и даже перед его судом. Здесь источник и пришвинской склонности ощущать в любом другом народе какое-либо превосходство над русскими, и нашего низкопоклонства и самобичевания.

Это чрезвычайно существенный момент проблемы. Дело в том, что равенство народов невозможно представить как некое тождество. Для подлинного установления равенства и братства необходимо увидеть и признать определенное превосходство другого народа над собой. И в этом смысле мы обладаем необходимым качеством для того, чтобы исполнить, как считал Достоевский, всемирное предназначение «стать братом всех людей».

* * *

Вне всякого сомнения, «русская идея» как система взглядов по серьезности своих исходных философско-исторических и нравственных посылок не уступает и даже, смею думать, превосходит многие иные концепции и, естественно, может быть развернута в целостную программу политического, экономического и социального переустройства наше-

го Отечества.

Чаадаев, Достоевский, В. Соловьев и другие мыслители придали «русской идее» масштабность и глубину. Они по-новому подошли к решению целого ряда фундаментальных вопросов человеческого существования и этим вывели национальную философско-этическую мысль на мировой уровень.

«Русская идея» не является заемной. Она возникла на собственной почве и обращает нас к нашим истокам. Поэтому для нее характерно бережное, уважительное отношение к духовно-нравственным началам своего народа, к его историческому опыту. По моему глубокому убеждению, именно самобытная русская культура – та питательная почва, из которой у нас может произрасти что-то истинно великое и значительное. Сравните: Чернышевский и Тургенев, ориентировавшиеся в значительной мере на Запад, сегодня имеют прежде всего национальное значение. А «почвенники» Достоевский и Лев Толстой стоят в одном ряду с величайшими гениями человечества – Сервантесом и Шекспиром.

В связи с этим должен прямо сказать: одним из самых неприемлемых моментов в программах современных политических и общественных деятелей является то, что они абсолютно не думают о своеобразии страны, смотрят на народ как на материал, из которого можно лепить что угодно.

Так уже было в 1917 году. Но даже программа, принятая тогда, лишь на первом этапе видела свою главную задачу

в максимальном удовлетворении потребностей людей – как важнейшей предпосылки для того, чтобы общество могло шагнуть из царства необходимости в царство свободы, царство, в котором уже главным для человека стало бы стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, к обретению высших духовных ценностей.

Наши демократы пошли дальше. В их программе общество потребления уже не промежуточная, а конечная цель. Вот демократическая пресса убеждает нас в том, что те, кто живет в мире полных универсамов, – счастливые люди. Но это же невероятная глупость. Пожалуйста, прочтите любой западноевропейский или американский серьезный роман, посмотрите любой их серьезный кинофильм, и вы поймете, что жизнь и при полных универсамах полна драматизма, а нередко и глубоко трагична. После того, как человек становится сыт, обут, одет, материальные блага теряют для него свое абсолютное значение. Их ценность становится относительной и начинает целиком зависеть от взглядов человека на счастье, добро, справедливость.

Помимо того, что потребительское общество не решает ни одной из собственно человеческих проблем, оно еще и ведет человечество к сырьевой, энергетической и экологической катастрофам. Мы восхищаемся изобилием в странах Запада, не отдавая себе отчета в том, что в странах, где все есть, живут только 15 процентов населения Земли. В США, где проживают всего пять процентов землян, потребляется

около 65 процентов энергии всего мира. Совершенно ясно, что американцы живут за счет остального, «третьего» мира. Представьте, если бы каким-то чудом остальные 85 процентов стали жить, как эти 15, то Земля, в сущности, взорвалась бы.

Уже сегодня мир испытывает недостаток в самом необходимом: чистой воде, почве, кислороде – и одновременно гоняется за вещами, которые, в сущности, не нужны. Едва ли не 90 процентов навязчиво рекламируемых ныне видов товаров сто лет назад отсутствовали в человеческом обиходе. А люди ведь жили и творили и были, право же, не хуже нас, да и продукты материального мира, которые они употребляли в пищу и из которых делали одежду и предметы обихода, были, несомненно, гораздо лучшего качества, чем сегодня. Но именно на необязательные, с быстротой необыкновенной сменяющие друг друга игрушки и шмотки идет преобладающая часть человеческих усилий и природных богатств. Кстати сказать, в цивилизованных странах на рекламу тратится до 10 процентов валового национального продукта. Вдумаемся в это поистине абсурдное положение. Образуется порочный круг. Потребительская психология подхлестывает индустрию отнюдь не необходимых вещей, а та, в свою очередь, провоцирует в обществе эскалацию потребительской психологии. Сказанное позволяет мне думать, что программа западников зовет нас не в завтрашний, а во вчерашний день земной.

* * *

Материальный интерес отнюдь не является всеопределяющим. У любого народа он сочетается с духовными стимулами, и везде это сочетание свое. Поэтому разрушать веками складывающуюся в каждой национальной культуре систему мотивов, побуждающую человека к эффективному труду, не только вредное, но и в значительной степени бесполезное занятие.

Заранее обречены на провал и все прямолинейные попытки перенести на нашу почву чужие, хотя бы и показавшие самую высокую эффективность хозяйственные схемы.

Макс Вебер, крупнейший западный социолог XX века, в своих работах убедительно показал, что капитализм успешно и быстро развивался не везде, а лишь там, где он мог опереться на благоприятную для него систему исповедуемых народом ценностей.

В 1989 году у нас вышла книга, написанная японскими специалистами, – «Как работают японские предприятия». Причину успеха авторы видят в том, что в основу производственных отношений на предприятиях были положены принципы буддистской этики. Конечно, были необходимы и новейшая технология, и продуманная организация производства, и многое другое, но без буддийской этики все это просто не заработало бы.

Таким образом, прежде чем пересадить в Россию эконо-

мические модели из Германии или Японии, надо перенести на русскую почву и многовековые традиции протестантства и буддизма, что, понятно, немислимо. Необходимо опираться на свой исторический опыт, на лучшие качества своего народа.

Уже давно иностранцы сокрушаются, что материальная культура в России находится на низком уровне. Проезжая через какую-нибудь деревню, с трудом одолевая лужи вроде миргородских, иноземный путешественник с удивлением думает: как же так получилось, что обитатели деревни не соединились и общими усилиями не вымостили улицу, по которой они ежедневно должны ездить и ходить? Но если бы у нас было во всем так. Нет же, рядом с этими лужами-озерами, лужами-болотами стояли храмы, и, надо сказать, храмы великолепные. Видно, что им были отданы все лучшие силы русской души. Парадокс. Объяснение ему надо искать в особенностях нашего национального духа. Если на протестантском Западе всякое деяние, улучшающее жизнь, ведущее к умножению капитала, было исполнено высшего смысла, то на Руси (за исключением старообрядцев) богатство никогда не рассматривалось как возвышающая человека цель существования. В православном сознании накопление денег выглядело скорее делом греховным. И, наоборот, нравственный мотив всегда играл для русского человека важную роль. Многие наши купцы, накопив миллионы, потом все куда-то отдавали: строили Третьяковскую галерею, создавали теат-

ры, жертвовали на больницы, передавали крупные суммы на революцию или просто кутили без меры и без смысла.

По словам русского философа Н. Лосского, «в высшей степени характерная черта русского общества именно презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, на том, чтобы «жить, как все», иметь хорошую обстановку, платье, квартиру». А на Западе христианство ушло в быт, в самую жизнь. И дало здесь великолепные плоды благоустройства, начиная с отхожего места, которое оформляется с такой же заботой, как и храм. В России человек считал бы кощунством одинаково заботиться и о том и о другом. Вот и получилось, что храмы у нас строились великолепные, а до отхожих мест руки никогда не доходили.

Российская интеллигенция самых разных политических и социальных пристрастий была едина, пожалуй, только в одном – безоговорочном неприятии «мещанского» идеала. Отсюда и ее хождение в народ, и крайняя революционность.

Сегодня многое изменилось в характере русского человека, но по-прежнему, мне кажется, материальный стимул не имеет у нас того веса, который он имеет, например, в США, Германии, Голландии. Возьмите нашу обломовскую психологию. Для русского человека то, что он вот сидит и над ним не каплет, это для него самое блаженное состояние, на которое очень многие готовы. Не надо большой зарплаты – лишь бы не теребили, не трогали. Но чтобы русский человек изо дня в день занимался накопительством, как немец или аме-

риканец, увеличивал свое богатство и при этом чувствовал, что занят благороднейшим делом?.. Вот почему я считаю, что экономика, устроенная по западному образцу, едва ли будет такой эффективной, как мы от нее ожидаем.

Нашим менеджерам, если они хотят иметь успех, необходимо учитывать психологию русского человека и вводить такие формы производственных отношений, которые опирались бы на сильные его стороны и сводили к минимуму дурные. В этом случае русский человек может достичь изумительных результатов.

Например, за 10 лет XIX века выстроена Транссибирская магистраль протяженностью 7500 километров. Среди абсолютного бездорожья, в абсолютно дикой местности, где ничего, кроме леса для шпал, не было. Причем в руках у строителей были самые примитивные орудия труда: лопата, топор, пила, кайло, тачка. Но хотя работали на магистрали в среднем не более 7–8 тысяч человек, ежегодно прокладывалось около 500–600 километров пути. Такие темпы не имеют аналогов в мировой строительной практике. Фантастика! На человека, вооруженного примитивными орудиями, пришлось по километру готового пути.

Как объяснить подобный результат? Дело в том, что люди, работавшие на Транссибирской магистрали, были объединены в артели. Артели – это исконно русская форма организации труда, известная нам по крайней мере с XV века. Ценнейшая форма. Во-первых, полная демократия. Артель скла-

дывалась годами и существовала годы. К каждому новому члену предъявлялись очень высокие требования. Так сейчас подбираются разве только космонавты. Во-вторых, это было своего рода братство. В таких условиях нельзя было плохо работать. В артели вопросы производственные оказывались неотделимыми от нравственных, здесь труд становился главным способом самоутверждения и самораскрытия. У нас есть замечательная пословица: на миру и смерть красна. Работа в артели была действительно на миру. Для себя трудиться люди так бы не смогли, а вот на миру да для общего дела показать свои достоинства... Разумеется, ни о каком пьянстве не могло идти речи. Кстати, работа артели всегда хорошо ценилась, артельщиков уважали, как сегодня уважают больших специалистов своего дела.

Так вот, я глубоко убежден, что артель – это та форма, при которой русский человек может совершать чудеса. Ни палкой, ни рублем, ни даже долларом от русского человека подобной работы добиться будет нельзя.

Можно, конечно, разрушить веками складывавшуюся систему, эффективно действующую в наших условиях, жестоко, безжалостно выбросить на свалку за несоответствие теории. Затем потратить три-четыре поколения, чтобы привить нам хоть как-то чужую психологию. А надо ли? Ведь наша система ценностей по той роли, которую в ней играют нравственные стимулы, не уступает чужим. Не лучше ли, опираясь на близкие и понятные русскому человеку способы ра-

боты, попытаться развить в нем и те полезные качества, которые в избытке есть у американца и немца?

* * *

Сейчас многие в высшей степени деморализованы тем, что в стране такой страшный кризис, упадок, многим кажется, что она погибает... Я человек, мягко выражаясь, далеко уже не молодой и не буду бодро говорить, что очень скоро все будет прекрасно, великолепно. Но если исходить из уроков истории, если действительно всерьез изучить тысячелетнюю историю России, станет совершенно ясно, что неоднократно Русь была как бы на краю гибели. Так было и в период монгольского нашествия, так было и в Смутное время, так было и во время реформ Петра I, когда очень значительная часть народа считала, что пришел антихрист, настал апокалипсис, конец света. Так было, разумеется, и после 1917-го года. Можно привести суждения очень серьезных, очень умных людей, которые прямо утверждали, что все гибнет, России пришел конец и никогда ее больше не будет.

Так вот, я попытался понять, почему, собственно, это происходило? Дело в том, что нет другого примера, если взять основные страны мира – хоть западные, хоть восточные, – нет примера вот таких довольно частых и как бы полных крахов. Я очень серьезно над этим думал и пришел к следующему выводу.

Разумеется, всякого рода терминология имеет относи-

тельное значение, но, думаю, те термины, которые я предложу, имеют право на существование и что-то выясняют. Я бы сказал, что Россия – страна идеократическая, то есть она основана на власти идеи. В свою очередь, страны Запада можно назвать, тоже используя древнегреческие корни, номократическими, от *nomos* – закон, то есть власть закона. А страны, допустим, Азии можно назвать этократическими, опять же от древнегреческого слова *ethos* – обычай, власть каких-то обычаев, которые действуют в течение тысячелетий. В России ведь, прямо надо сказать, с законами дело обстояло всегда не так, как на Западе. И обычаи тоже – приходится признать, что у нас нет такого твердого, неукоснительного следования людей каким-то обычаям, складывавшимся веками, как, скажем, в азиатских странах.

Вне всякого сомнения, страна, которая, условно выражаясь, держится на идее, – это рискованная страна. И вот этот риск, на мой взгляд, ясно выразился в тех беспрецедентных крахах, развалах, которые наша Родина неоднократно переживала.

В то же время я убежден, что именно в силу этой огромной власти идеи Россия подчас совершала неслыханные дела. Достаточно вспомнить факты, которые общеизвестны, но, по-моему, до сих пор не вполне осмыслены.

Вот на протяжении того тысячелетия, которое существует Россия – ну, если точнее говорить, 1200 лет, – были три попытки завоевания мира, порабощения его мощными, силь-

ными завоевателями. Это монгольское нашествие, которое должно было покорить именно весь мир, как сформулировал, не без блеска, Чингисхан: «Нам принадлежит все, куда только могут доскакать копыта монгольских коней». Это Наполеон. Это, наконец, Гитлер. И никто не может спорить с тем, что все эти три гигантские попытки завоевания мира потерпели крах не где-нибудь, а в России.

Глубоко убежден: как раз то, что можно назвать идеократической природой России, и дало ей такую необоримую силу.

Есть, правда, совершенно ложные, фальсификаторские суждения. Ну, допустим, такие, что Наполеона погубили русские пространства и русский мороз. Эта концепция была выдвинута потерпевшими крах наполеоновскими войсками в свое время и, как ни дико, существует до сих пор. Но она существует только для тех, кто не знает реального хода войны.

Я повторяю, с моей точки зрения, это, конечно, требует еще обоснования, но именно идеократическая сущность России обернулась такой великой силой. Видите, с одной стороны необыкновенные взлеты, победы, с другой – столь же необыкновенной силы крушения и падения. Поэтому, когда я говорю об идеократичности России, я вовсе не ставлю вопрос: хорошо это или плохо? Это – своеобразие России.

Я готов восхищаться упорядоченной, законной, законопослушной жизнью европейских стран – кстати, многие русские, попадая туда, восхищались, и завидовали, и любова-

лись ими, в особенности сейчас... И опять-таки можно восхищаться особой твердостью, прочностью этих самых азиатских обычаев, которые дают им огромные преимущества. Но тут ничего не поделаешь. Есть своеобразие нашей страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.